

М. Н. Виролайнен
(ИРЛИ РАН)

Пушкинские каминь
(комментарий к слову «камин»
в «Зимней дороге»)

Знакомые с детства строки этого хрестоматийного стихотворения оставляют в памяти печальную картину заснеженного пути: облитые лунным светом пустынные поляны, мелькание верст, тройка, ямщик, колокольчик... Может быть, именно потому, что стихотворение входит в детское чтение, оно запоминается как пейзажное. Две строфы, обращенные к Нине, с упоминанием неких «докучных», мерного круга часовой стрелки и эротическим мотивом, легко выпадают из детского сознания, а вслед за ним иногда и из взрослого. Эти строфы, по своей стилистике сближающиеся с гедонистической элегией, действительно, как-то неожиданно возникают на общем пейзажном фоне стихотворения, кажутся по отношению к нему чужеродными. Между тем соединение «домашнего» и пейзажного фрагментов как раз и формирует лирический сюжет. На одной из деталей «домашнего» фрагмента хотелось бы задержать внимание.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.¹

---

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 3. С. 42.

Историки быта сообщают, что каминь, появившиеся в России в XVIII веке, мало соответствовали условиям русской зимы: они не нагревались, не хранили тепла, не могли заменить печей и потому становились скорее дорогим украшением интерьера в богатых домах.² Означает ли это, что желанное «завтра» пушкинского лирического героя наступит в роскошном особняке или богатой усадьбе? Из реального комментария мы должны сделать именно такой вывод. Однако обратившись к поэтической традиции конца XVIII—начала XIX веков, мы обнаружим совершенно иное: камин окажется атрибутом подчеркнута скромной жизни, располагающим к одиноким/поэтическим мечтаниям.

Едва ли не начало этой традиции положила сатира В. Л. Пушкина «К каминь» (1793), ставшая его литературным дебютом:

Любезный мой камин! — товарищ дорогой,
Как счастлив, весел я, сидя перед тобой.
Я мира суету и гордость забываю,
Когда, мой милый друг, с собою рассуждаю
<.....>
О милый мой Камин! как я живу доволен!
Читаю ли я что иль греюсь, иль пишу,
Свободой, тишиной, спокойствием дышу.³

При первой публикации в «Санкт-Петербургском Меркурии» (1793. № 11) издатель журнала А. И. Клушин сопроводил стихотворение примечанием, в котором о начинающем сочинителе говорилось: «Друг муз, друг уединения сидит перед каминь, размышляет, и каминь его трогает чувствительное сердце читателя».⁴ Клушин акцентировал главное: каминь предназначен для уединенного размышления.

---

² См.: *Бородин С. Д., Евсеев Е. А.* «Отпор враждующему хладу...»: Эволюция отопительных систем в русских усадьбах // *Усадьба: Прошлое. Настоящее. Будущее.* 2015. № 3 (11). С. 80—81, 84, 86.

³ *Пушкин В. Л.* Стихотворения. СПб., 2005. С. 119.

⁴ Там же. С. 317.

Вскоре вслед за текстом молодого Василия Львовича появились имевшие большой успех и распространявшиеся в списках сатиры И. М. Долгорукова «Камин в Пензе» (1795; опубл. 1799) и «Камин в Москве» (конец 1790-х). При чтении первого из них выясняется, что пышному камину может быть противопоставлен камин достаточно скромный:

Хотя без всякого убранства
Из камней грубых ты сложен,
Не монументом гордым чванства
В моем углу ты быть сужден;
Тебя не мрамор одевает,
Не стали луч в тебе сияет,
Не грань хрустальная блестит;
Приятство ломкого фарфора
Толпы невежд не тешит взора, —
Зато ты греешь, тот давит.⁵

Из автобиографических «Записок» Долгорукова мы узнаем, что этот камин был списан с природы: «Вижу тот самый кабинет, тот стол, за которым я его („Камин в Пензе“. — *Ред.*) писал, жена сидела за пальцами; мы были только двое; я ходил взад и вперед по комнате и подкладывал дрова в камин. Огонь в нем не переводился...»⁶ Дрова, которыми топится камин, — бытовая деталь, обыгранная в стихотворении и лишней раз подчеркивающая скромность домашнего обихода: дрова противопоставлены дорогостоящему углу.⁷

---

⁵ Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века. Л., 1959. С. 395. (Б-ка поэта. Большая сер.).

⁶ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... П., 1916. С. 331.

⁷ Внесут ко мне дровец лукошко:
В моем быту затеев нет;
Вельможам я не подражаю,
На кораблях не добываю
Ни знатных угольев, ни дуд;
Дубовыми топлю дровами
Своими попросту руками,
И сам расклат, и сам раздул.

(Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века. С. 395).

Следует ли из этого, что в реальный комментарий нужно внести поправку с указанием на то, что камин, вопреки утверждениям историков быта, мог быть устроен и в небогатом жилье? Вероятно, не следует: пензенский вице-губернатор Иван Долгоруков был, конечно, не из самых бедных людей. Не случайно в стихотворении мимоходом замечено: «От стужи печь к твоим услугам»⁸ — значит огонь, который «не переводился» в камине, был все-таки роскошью. Акцентированная в стихотворении бытовая непритязательность — подробность, относящаяся не к жизненным реалиям, а к поэтической семантике, в соответствии с которой камин призван знаменовать приверженность именно скромной жизни. Герой сатиры Долгорукова, сидя у камина, погружается в суетные мечтания о богатстве и славе, но в конце концов отвергает их, возвращаясь к своему сложенному из грубых камней очагу:

Камин поленьями питаю,
Все думы в кучу созываю
И, грезы сонные прогнав,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мирских сует тщету познав.⁹

Так закрепляется поэтическое значение камина, заданное В. Л. Пушкиным: камин — место не просто мечтаний, но размышлений, ведущих к отказу от «суеты и гордости» мира. Герой Долгорукова удовлетворяется тем, что имеет: «Камин мой двор, при нем я царь».¹⁰

Вдохновившись успехом пензенского «Камина», Долгоруков, спустя некоторое время, написал еще один «Камин» — московский. Теперь одинокие размышления у камина приводят к более радикальным выводам:

---

⁸ Там же. С. 396.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 398.

отвергаются не только грезы о богатстве и славе, выясняется, что любые страсти человеческие, любые социальные роли могут доставить не меньше горя, чем радости. А потому следует довольствоваться своим собственным местом в мире, каким бы оно ни было. Эмблемой такого места, где человек равен самому себе, царствуя в собственном мире, и становится камин:

Камин! тобой не променяюсь
На все сокровища вельмож!
Тобою часто утешаюсь,
Всегда мне мил, везде пригож.
Пускай печали неизбежны,
Но с ними смехи часто смежны.
Ты будь престол моих забав...¹¹

И у Василия Львовича, и у Долгорукова размышления о житейской суете сопрягаются с гораццианским мотивом «золотой умеренности».

Из этих сатир 1790-х годов камин попадает в лицейские стихи Пушкина, относящиеся, однако, к совсем иному жанру — к той разновидности дружеского послания, в рамках которой в 1810-е годы оформилась особая версия гораццианства. Отказ от всех сует света, скромное уединение в деревенском доме, наслаждение природой, поэзией, дружеский пир, в связи с которым так или иначе возникают напоминания о быстротечности жизни — таково мотивное ядро русского дружеского послания. Уединение здесь не есть одиночество, оно — условие душевного покоя и творчества, кроме того, оно не абсолютно: с поэтом его возлюбленная, его навещают друзья. Противопоставляемое городской, суетной, светской жизни, деревенское уединение — условие общения *избранных*, контрастным фоном для него выступают отвергаемые формы служения фортуне. Противопоставленное столичной/городской

---

¹¹ Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века. С. 423—424.

жизни, подчеркнута небогатое жилище поэта (иногда обозначенное как «хижина» или «шалаш») чаще всего помещается в сельский локус.

Существенно, что в дружеских посланиях старших поэтов, на которые ориентировался лицеист Пушкин, камин не только не был устойчивой приметой этого локуса — он вообще почти никогда не упоминался. Ранним исключением служит послание Д. В. Давыдова «Болтун красноречивый...» (1815), где призыв оставить «свет шумливый / С беспутной суетой» сопровождается приглашением:

Хоть на часок покинем
Вельмож докучный дом
И к камельку подвинем
Диваны со столом...¹²

В 1816 году «скромный камелек» появляется в послании Вяземского «К Батюшкову»,¹³ отчетливо спроецированном на «Мои пенаты» и содержащем полный мотивный комплекс, характерный для данной разновидности жанра. Кажется, этими двумя примерами случаи введения камин в состав интересующей нас атрибутики исчерпываются. Между тем в 1815 году, то есть за год до написания послания Вяземского к Батюшкову,¹⁴ в стихах Пушкина, и именно

---

¹² См.: Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 77. В послании отсутствует тема поэтического творчества, за столом, подвинутым к камельку, должно начаться служение Вакху и Эроту. Правда, по предположению В. Э. Вацура, это стихотворение, опубликованное только в 1832 г., могло быть написано в ответ на послание Вяземского «К партизану-поэту» (1815) (см.: Там же. С. 204), в таком случае тема союза поэтов в нем присутствует имплицитно.

¹³ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 98. Позже, в 1823 году, обращаясь к «хранителю-Пенату» с просьбой, вполне корреспондирующей дидактическому пафосу Долгорукова («Я не прошу о благе новом, / Мое мне только сохрани»), Вяземский описывает желанное для него «скромное владенье» в духе дружеских посланий, включая в это описание «приют мечтанию — камелек» (Там же. С. 158—159).

¹⁴ Послание Давыдова «Болтун красноречивый...» едва ли стало известно лицеисту-Пушкину в год написания.

в текстах, ориентированных на топику дружеских посланий, появляется целая серия каминов. По-видимому, самый ранний из таких текстов — «Городок (К ***)» (декабрь 1814 — март 1815), явно написанный по следам «Моих пенатов». Лирический герой (разумеется, поэт) покинул «великий град Петров» и все связанные с ним бессмысленные хлопоты, перебрался в городок, «безвестностью счастливый», и теперь «живет благополучно» в союзе с Фебом и Эротом, в беседах с почившими и здравствующими «парнасскими жрецами». ¹⁵ Камин даже дважды упоминается в описаниях счастливого обиталища поэта:

Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнаты простые —
В них злата, бронзы нет...
<.....>
Покаместь, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижу я под окном
С бумагой и пером...¹⁶

В январе — марте того же года написано послание «К Лицинию» — первый у Пушкина опыт гражданской сатиры. В стихотворение введен все тот же гораццианский мотив бегства из города в деревню, а вместе с ним и упоминание камина, близ которого можно предаться творчеству:

И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Вспомнив старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремящей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.¹⁷

---

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 88—97.

¹⁶ Там же. С. 88, 94.

¹⁷ Там же. С. 102.

В апреле — мае 1815 года написано стихотворение «Мечтатель». В соответствии с традицией дружеских посланий, изображенная в нем обитель мечтателя скромна настолько, что именуется «шалашом», «домиком», «кельей». Здесь он погружается «в сладки думы», здесь отрекается от мечты о бранной славе («долгоруковский» мотив), здесь его посещает Муза и здесь снова упомянут камин, причем во фрагменте, откровенно насыщенном лексикой «Моих пенатов»:

В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным пенатом.¹⁸

Четвертый пушкинский камин 1815 года появляется в «Послании к Ю<дину>», в котором звучат все те же мотивы: отвержение «волшебницы лукавой, / Которая весь мир вертит / <...> / И — помнится — зовется Славой», противопоставление городской жизни сельскому творческому уединению:

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот
<.....>
Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой...
Вот мой камин — под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной

---

¹⁸ Там же. С. 112—113.

Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать...¹⁹

Следующий камин, помещенный в то же семантическое поле, появится у Пушкина только в 1821 году, в стихотворении «К моей чернильнице». Обращаясь к чернильнице, метонимически связанной с музой и лирой, поэт завещает ее Чедаеву:

Иссохшая, пустая,
Украсть его камин
<.....>
Взыскательного света
Очей не привлекай,
Но верного поэта
Друзьям напоминай.²⁰

Упоминанию камина, как и положено, сопутствует внутренняя оппозиция автора послания «взыскательному свету».

И, наконец, последнее до «Зимней дороги» патетическое упоминание камина — в «19 октября» 1825 года:

Пылай, камин, в моей пустынной келье...²¹

---

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. С. 157—158. Следующая строка: «И жечь потом свои творенья...» — следует другому устойчивому назначению каминов, упоминаемых в русской поэзии. Стихи летят в камин у Карамзина («Миг», 1802), Воейкова («Дом сумасшедших», 1811—1817), Шевырева («Журналист и злой дух», 1827), Лермонтова («Журналист, читатель и писатель», 1840)... Что же касается дальнейшего сюжетного движения «Послания к Ю<дину>», то оно разворачивается по модели долгорукотских «каминов», у которых герой мысленно испытывает преимущества жизни на разных поприщах, в разных социальных ролях и отвергает один вариант за другим. Рождающиеся у пушкинского «камина» мечты влекут поэта на стезю военной славы, но выясняется, что «на поле битв и чести» обретаются лишь «одни болезни, костыли» (Там же. С. 159); вслед за военным разворачивается любовный эпизод, также переживаемый в мечтах.

²⁰ Там же. Т. 2, кн. 2. С. 41.

²¹ Там же. Т. 3, кн. 1. С. 74.

Само собой разумеется, что в Михайловском, откуда это послание отправлялось друзьям, никакого каминь не было, а комната Пушкина в барском доме, при всей ее небогатой обстановке, келью ничуть не напоминала. Камин фигурирует здесь как устойчивый элемент описания скромного жилища поэта.²²

В восьмой главе «Евгения Онегина» весь этот мотивный комплекс уже будет иронически осмыслен как штамп:

Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один,
И перед ним пылал камин,
И он мурлыкал: *Benedetta*
Иль *Idol mio* и ронял
В огонь то туфлю, то журнал.²³

Да и в седьмой главе романа в стихах при описании посещения Татьяной дома Онегина упоминание каминь подозрительным образом помещено в заключительное двустипхионе онегинской строфы (то есть в позицию, предусматривающую возможность иронической заостренности поэтического дискурса):

Старушка ей: «А вот камин;
Здесь барин сживал один».²⁴

---

²² В таком же качестве камин упоминается в более поздних стихах других поэтов. Ср. в стихотворении Е. А. Баратынского «Старик» (1828): «Как быть? У яркого каминь / В укромной хижине моей, / Накрою стол, поставлю вина / И соберу моих друзей» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 2, ч. 1. С. 193); в «Ундине» (1839) Н. М. Языкова: «Когда камин уже гудит и озаряет / Янтарным пламенем смиренный твой приют...» и в его же послании «Графу В. А. Соллогубу» (1839): «Меня ты посетишь в моем приюте милом; / Тогда камин, домашний друг / Моих парнасских дел, янтарным, ярким пылом / Осветит наш досуг...» (*Языков Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 358, 366. (Б-ка поэта. Большая сер.).

²³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 184.

²⁴ Там же. С. 146.

Вернемся теперь к камину в «Зимней дороге», написанной более чем за полгода до того, как была начата седьмая глава «Онегина». Но перед тем, как продолжить разговор о поэтической семантике, следует дать биографический комментарий к стихотворению. Оно было написано между 22 ноября и серединой декабря 1826 года во время вынужденной остановки на пути из Михайловского в Москву. 1 декабря Пушкин писал из Пскова московскому приятелю В. П. Зубкову, рассказывая о своих злоключениях: «...я <...> выехал 5—6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на перекладной, из-за отвратительных дорог. Псковские ящики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать <...> жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых».²⁵ Почти все остальное содержание письма посвящено Sophie — московской красавице Софье Федоровне Пушкиной. Познакомившись с ней около середины октября 1826 года, Пушкин почти сразу решил свататься: с этим намерением (а скорее всего, даже сделав уже предложение) он уехал 2 ноября из Москвы в Михайловское и оттуда писал 9 ноября Вяземскому: «...буду у вас к 1-му... она велела!»²⁶ Собственно, Пушкин и должен был вернуться 1-го, «чтобы быть у ног Софи»,²⁷ если бы полученные при падении травмы не задержали его в Пскове. Из письма к Зубкову (женатому на сестре Софьи Федоровны) ясно, что Пушкин рвался в Москву и был поглощен мыслями о браке: «Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером — судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?.. <...> Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести, — скажи ей, что я благодарнее, чем выгляжу, а доказательство тому — что тебе в голову придет. Мерзкой этот Панин, два года влюблен,

---

²⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 562 (оригинал по-французски).

²⁶ Там же. С. 304.

²⁷ Там же. С. 562.

а свататься собирается на Фоминой неделе — а я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь! <...> объясни же ей, что прав я, что, увидав ее хоть раз, уже нельзя колебаться, <...> что я следовательно прекрасно сделал, пойдя прямо к развязке <...> Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настрашай ее Паниным скверным и жени меня».²⁸ Пушкин в этот момент еще не знал того, что стало известно в Москве в начале декабря: Софья Федоровна дала согласие В. А. Панину.²⁹

Итак, долгий неблагополучный зимний путь в город, где должна произойти встреча с любимой женщиной. Казалось бы, в жизни мы обнаружили то же, что и в стихотворении, подготовив благодатную почву для реализации биографического метода, который позволит заявить, что Нина — это Софи Пушкина, а полночь не разлучит возлюбленных потому, что они, как мечтается поэту, уже состоят в законном браке. Такой вывод, однако, совершенно невозможен: две «городские» строфы «Зимней дороги» написаны в стилистике чувственно-гедонистической элегии, стоящей под знаком Амура, а не Гименя.³⁰ Биографические реалии не сходятся с текстом и в другом отношении. Во время той же остановки в Пскове Пушкин писал И. Е. Великопольскому: «Еду в Москву, коль скоро будут деньги и снег. Снег-то уж падает...»³¹ Падает — но еще не выпал: это был тот самый бесснежный год, о котором сказано в «Евгении Онегине».

²⁸ Там же. С. 311—312, 562—563 (оригинал по-французски и по-русски).

²⁹ См.: Шукинский сборник. М., 1905. Вып. 4. С. 161 (письмо Н. А. Мухановой к сыну Александру Алексеевичу от 8 декабря 1826 года); *Модзалевский Б. Л.* Василий Петрович Зубков и его Записки // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. С. 107.

³⁰ Заметим, кстати, что эротические эпизоды дружеских посланий, в которых в уединенной обители лирического героя появляется его идеальная возлюбленная, сближаются именно с этим типом элегии, с ее лексикой и ее тональностью. И Пушкин, следуя за Батюшковым, именно в такой тональности разворачивает любовный сюжет в упоминавшихся уже «Городке» и «Послании к Ю<дину>», в посланиях «К Б<атюшкову>» (1814) и «К Ш<ишк>ову» (1816).

³¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 313.

Отказавшись от прямых биографических проекций так же, как от простого реального комментария, и апеллируя к закреплённой в стихах Пушкина поэтической «репутации» камина, мы должны ответить на вопросы: не является ли его упоминание в «Зимней дороге» обычной деталью многочисленных русских «зимних» стихотворений, в которые камин вводится всего лишь для противопоставления стуже и непогоде домашнего тепла и уюта? Релевантна ли для «Зимней дороги» семантика дружеских посланий? Памятно ли было Пушкину в 1826 году, что камин стал его личным вкладом в топику этого типа посланий — вкладом, сделанным на лицейской скамье?

Отвечая на эти вопросы, обратим внимание на то, что «камин» в «19 октября» 1825 года возникает в одной строке с «кельей» — не раз использованным лицеистом-Пушкиным метонимическим обозначением монастыря в контекстах, представляющих метафору «Лицей — монастырь».³² Эта метафора, обыгрывающая ситуацию вынужденного затворничества, была, как и камин, личной поэтической находкой лицеиста-Пушкина — и едва ли они случайно оказались рядом в «лицейском» послании 1825 года.³³ В «19 октября» вынужденное михайловское уединение по ходу развития лирического сюжета преобразуется в заочное пирование с друзьями. Начатый строкой «Пылай, камин, в моей пустынной келье», этот ход включал в полижанровую структуру стихотворения почти все ценностно окрашенные мотивы дружеского послания: сельское уединение вдали от сует света («...душевных наших мук / Не стоит мир; оставим заблужденья! / Сокроем жизнь под сень уединенья!»³⁴),

³² См. стихотворения «К Наталье» (1813) и «К сестре» (1814).

³³ В июле 1825 года Пушкин вспоминал и дядюшкин камин: в письме к Вяземскому в шутку упомянута «г-жа Хвостова (автор „Камина“, и следств. соперница В<асилия> Л<ьвови>ча)» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 185; «Камин» А. П. Хвостовой — образец сентиментальной прозы, к обсуждаемой поэтической традиции отношения не имеющий).

³⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3, кн. 1. С. 76.

наслаждение природой (роскошные первые строки стихотворения), поэзией (строки, обращенные к Дельвигу и Кюхельбекеру), пир избранных, неизменно приводящий к мысли о быстротечности жизни (финальные строфы).

Если в 1825 году камин все еще ассоциировался для Пушкина с топикой лицейских дружеских посланий, можно предположить, что и годом позже эта ассоциативная связь не была для него утрачена. Имеется в «Зимней дороге» и связь с жанровой природой послания: после четырех пейзажных строф в стихотворении неожиданно, но не случайно возникает прямое обращение к адресату. Однако нельзя не обратить внимания на инверсию, происшедшую в «Зимней дороге» по отношению ко всем указанным претекстам. Камин перемещен здесь в то самое городское пространство,³⁵ которое, как правило, отвергается в дружеских посланиях ради предпочитаемого ему сельского локуса. Противопоставление сельской местности городскому пространству сохранено и в «Зимней дороге», но с прямо противоположным знаком: именно городской локус оказывается желанным.

Перефразируя призыв послания «К Лицинию» («В деревню пренесем отеческих пенатов»³⁶), можно сказать, что в «Зимней дороге» пенаты (вместе с камином) перенесены в город, в ту жизнь, к которой ведет зимний путь. Камин в «светлой комнате» Нины маркирует соответствие пространства, в которое стремится лирический герой, идеальному топосу пушкинской версии дружеского послания, где протекает в уединении, разделяемом с возлюбленной, располагающая к творчеству жизнь лирического героя. Это и есть семантический ореол интересующего нас слова.

Установив его, можно вернуться к реальным обстоятельствам зимы 1826 года, сопутствовавшим созданию

---

³⁵ Оно отчетливо обозначено в первой редакции «Зимней дороги»: «Завтра в город возвратясь, / Я забудусь у камина» (Там же. Т. 3. С. 589).

³⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. С. 102.

стихотворения, чтобы увидеть в строках, адресованных Нине, не прямую биографическую проекцию, не обращение к Софи, но пушкинскую утопию домашнего пространства и любовного быта (утопию брака), в котором многое изменится, но главное будет сохранено.

В заключение отметим еще одну соответствующую этой утопии инверсию, связанную со второй, не менее значимой, чем камин, деталью интерьера, упомянутой в «Зимней дороге». Речь идет о часах:

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.³⁷

Часы, как и камин, связаны с топикой дружеского послания, в котором горацанский призыв «*carpe diem!*» реализуется как неустанная погоня за улетающим мгновением. Вслед за «Моими пенатами» этот мотив многократно повторяется в лицейских стихах (преимущественно посланиях) Пушкина³⁸. Мерный ход часовой стрелки в «Зимней дороге» контрастно противоположен летящему времени дружеских посланий. Часы в комнате с камином отмечают законную меру времени, оно больше не улетаёт слишком стремительно, но и не движется слишком медленно, как это было в «Письме к Лиде» (1817), лирический сюжет которого наиболее близок к двум строкам «Зимней дороги».³⁹

---

³⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 42.

³⁸ Ср., например: «О Г<алич>, время невозвратно»; «Пускай старик крылатый / Летит на почтовых: / Нам дорог миг утраты / В забавах лишь одних!»; «Почто, минуты, вы летели / Тогда столь быстрой чередой?»; «В объятиях любви утраченные ночи — / Блаженства быстрые часы...»; «И быстро миг любви / Летит...» (Там же. Т. 1. С. 110, 114, 225, 295).

³⁹ Ср. в «Письме к Лиде» (1817):

Лишь благосклонный мрак раскинёт
Над нами тихий свой покров
И время к полночи придвинет
Стрелу медлительных часов... (Там же. С. 269).

«Завтра» течение времени должно совпасть с собственной «золотой серединой», следовать которой призывали цитированные поэты 1790-х годов.

В рамках поэтической традиции Золотого века слово, наращивая семантическую память в устойчивых контекстах, получает значения, отличные от бытовых или общеупотребительных и создает собственные денотаты, не принадлежащие пространству непосредственно проживаемой нами жизни. В «Зимней дороге» камин (как и часы) — слово предметного значения, но мы найдем его денотат не в предметной сфере, а только в той созданной поэтической традицией области, которая не является ни условной, ни идеальной, поскольку в ней-то и расположен «дом» поэта, воплощенный в слове поэзии.

